

США: В ПОИСКАХ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

(расово-этнический фактор
во внешнеполитической стратегии Вашингтона)

В. С. Васильев

Анализируются кризисные явления во внешнеполитической стратегии США, обусловленные исчерпанием возможностей построения имперской *Pax Americana* в период после окончания холодной войны на рубеже 1980-х – начала 1990-х гг. и неудач в глобализации мировой экономики, построенной на ее долларизации. Тектонические демографические сдвиги в американском обществе на протяжении последних 30 лет и трансформация американских политических элит привели к тому, что в настоящее время Вашингтон активно экспериментирует с моделью глобального доминирования, основанной на расово-этническом разнообразии и преодолении традиционного для США подхода, основанного на американском этноцентризме.

Ключевые слова: американский гегемонизм, американская исключительность, полицентричный миропорядок, политическая элита, администрация Дж. Байдена, Государственный департамент США, расово-этническое разнообразие

The crisis in the U.S. foreign policy strategy is analyzed, caused by the exhaustion of opportunities to build an Imperial *Pax Americana* in the post-Cold War period at the turn of the 1980s – early 1990s and failures in the globalization of the world economy, built on its dollarization. Tectonic demographic shifts in American society over the past 30 years and the transformation of American political elites have led to the fact that Washington is currently actively experimenting with a model of global dominance based on racial and ethnic diversity and overcoming the traditional U.S. approach based on American ethnocentrism.

Key words: American hegemonism, American exceptionalism, polycentric world order, political elite, the J. Biden Administration, U.S. State Department, racial and ethnic diversity

DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-20-37

Васильев Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник. ФГБУН «Институт США и Канады РАН имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН)».

На всем протяжении XX в., и особенно в периоды после окончания Первой и Второй мировых войн, а также после завершения холодной войны на рубеже 1980-х – 1990-х гг. проблемы американского доминирования на мировой арене и поиска адекватных гегемонизму форм неизменно являлись главным приоритетом внешнеполитической стратегии политических элит США.

Исключительно важно при этом указать на то, что общим знаменателем различных форм американского доминирования в мире была идея «американской исключительности», унаследованная от более ранних периодов американской истории начиная с последней четверти XVIII в.¹

После Второй мировой войны, из которой США вышли технически и экономически самой могущественной страной в мире, на долю которой приходилось 50% производимого в тот период ВВП, 80% всех запасов твердых валют² и $\frac{2}{3}$ мировых запасов золота³, не говоря уже о монополии на «абсолютное оружие» – ядерное оружие, американские устремления к мировому господству трансформировались в проект империи «*Pax Americana*» с классической системой имперских ценностей, структурированных по принципу «цивилизационного центра – Богом забытой периферии». По авторитетному заключению ведущего американского специалиста в области международных отношений проф. Принстонского университета Г. Икенберри, «если империи являются принудительными системами доминирования, то мировой порядок, ориентированный на Америку, не является империей. Если империи представляют собой инклюзивные системы порядка, организованные вокруг доминирующего государства (и его законов, экономики, военных и политических институтов), то Соединенные Штаты действительно создали мировую демократически-капиталистическую империю»⁴.

Возможно, главным вкладом системы ценностей американской империи второй половины XX в. в мировое политическое развитие

¹ Nye J. The Rise and Fall of American Hegemony from Wilson to Trump // International Affairs. 2019. January. P. 63.

² The Wilson Center. A Short History of America's Economy Since World War II. Meet the Modern Economy, 1946-Present (<https://medium.com/the-worlds-economy-and-the-economys-world/a-short-history-of-americas-economy-since-world-war-ii-37293cdb640>).

³ Federal Reserve Bank of St. Louis. The Changing Relationship between Trade and America's Gold Reserves, May 4, 2020 (<https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/first-quarter-2020/changing-relationship-trade-americas-gold-reserves>).

⁴ Ikenberry G. American Power and the Empire of Capitalist Democracy // Review of International Studies. 2001. Vol. 27. Special Issue: Empires, Systems and States: Great Transformation in International Politics. December. P. 192.

явилось широкое распространение в мире института президентской власти. Американские историки неоднократно проводили параллели между политической системой Древнего Рима и современными США, в которых президенты по форме и по содержанию играли роль могущественных древнеримских императоров (кесарей). История Древнего Рима – это история сменявших друг друга императоров, ужасных, таких как Нерон, Калигула, Тиберий, и «добродетельных», таких как Октавиан Август, Траян, Марк Аврелий⁵. История института президентской власти в США времен холодной войны – это, по сути, история кесарей сверхдержавы, попеременно творивших Добро и Зло в планетарных масштабах.

От однополярного доминирования к гегемонизму в полицентричном мире

После завершения холодной войны на рубеже 1980-х – 1990-х гг. США стали переживать сложный период, характеризующийся «взлетами и падениями» доминирования на мировой арене. В 1990-е гг. гегемонизм США носил бесспорный характер. По показателю доли США в мировом ВВП (по номинальной стоимости валют) произошло ее увеличение с 26,3% в 1990 г. до 31,3% в 2002 г.⁶, что примерно соответствовало уровню середины 1980-х гг. и, безусловно, отражало инерционное действие «имперского периода» в развитии США во второй половине XX в. Однако затем начался период «медленного, но верного» снижения доли США в производимом мировом ВВП, которая достигла минимального за весь XXI в. значения в 21,1% в 2011 г.⁷

Начало текущего столетия ознаменовалось наступлением кризиса американского гегемонизма⁸, который продолжается и по настоящее время. На внешнем плане основными факторами утраты США роли мирового гегемона явились экономические кризисы 2000–2001 гг., известный как кризис на рынке ИКТ-технологий, и кризис 2007–2009 гг., вошедший в исторические анналы как «Великая рецессия», ставшая самым масштабным потрясением для США после Великой

⁵ United States: The New Roman Empire // Medium. June 4, 2023 // (<https://medium.com/@Bigphaze/united-states-the-new-roman-empire-8f631ad9d82c>).

⁶ Ranked: The Top 6 Economies by Share of Global GDP (1980–2024) // Visual Capitalist. May 14, 2024 (<https://www.visualcapitalist.com/ranked-the-top-6-economies-by-share-of-global-gdp-1980-2024/>).

⁷ Ibidem.

⁸ Dabat A., Leal P. The Rise and Fall of the United States in Global Hegemony // Problemas del DESSAROLLO: Revista Latinoamericana de Economía. 2019. Vol. 50. Núm. 199. Octubre–diciembre. P. 202 (<https://probdes.iiec.unam.mx/index.php/pde/article/view/67934>).

депрессии 1930-х гг. В свою очередь, финансово-экономические кризисы первого десятилетия XXI в. явились прямым следствием трансформации модели «глобального» имперского гегемонизма, произошедшей в 1990-е гг. В годы холодной войны гегемонизм США базировался на военной мощи, проистекавшей от научно-технического прогресса. В условиях инициированной США глобализации мировой экономики на первое место вышел американский гегемонизм в финансовой и монетарной сферах, основанный на долларе как единственной мировой валюте.

Долларизация мировой экономики стала символом американского доминирования в условиях глобализации. Уже в середине 1990-х гг. за пределами США обращалось больше наличной американской валюты, чем внутри США. Так, согласно подсчетам аналитиков Федеральной резервной системы (ФРС), в 1995 г. из 375 млрд долл. денежной массы, находившейся в обращении, от 200 до 250 млрд долл., или от 53 до 67%, обращались за пределами США⁹. Эти тенденции продолжали свое действие и в течение последующих 30 лет. По состоянию на конец 2022 г. в обращении находилась денежная масса в размере 2,2 трлн долл., из которых 1,4 трлн долл., или более 60%, циркулировали за пределами США. Повышенным зарубежным спросом пользовались 100-долларовые банкноты; в конце 2022 г. ФРС напечатала таких банкнот на общую сумму в 1,8 трлн долл., из которых свыше 70% обращалось за пределами США¹⁰.

Общим результатом долларизации мировой экономики явилась «генерация рыночных пузырей», которые и породили финансово-экономические кризисы в первом десятилетии текущего столетия¹¹. И хотя после 2011 г. доля США в мировом ВВП выросла до 26,1% в 2023 г., первые десятилетия XXI в. явились свидетелями роста и влияния в системе международных отношений ряда других стран, таких как Китай и Индия, доля которых в мировом ВВП увеличилась с 2000 по 2023 г. с 3,5 до 16,9% и с 1,4 до 3,4% соответственно¹². Формирование полицентричного мира началось уже в ходе мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., на что в тот период указал польский экономист и политолог А. Гвезда, подчеркнувший, что упадок американского гегемонизма «является есте-

⁹ Porter D., Judson R. The Location of U.S. Currency: How Much Is Abroad? // Federal Reserve Bulletin. 1996. October. P. 883 (<https://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/1996/1096lead.pdf>).

¹⁰ Judson R. Demand for U.S Banknotes at Home and Abroad: A Post-Covid Update // International Finance Discussion Papers 1387. Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.). 2024. March. P. 6, 11 (<https://doi.org/10.17016/IFDP.2024.1387>).

¹¹ Dabat A., Leal P. Op. cit. P. 203.

¹² Ranked: The Top 6 Economies...

ственным следствием перехода ко все более многоцентричному миру. Планета характеризуется политическим, экономическим и социальным подъемом новых активных игроков в системе международных отношений»¹³.

Прогрессирующее ослабление традиционных форм американского гегемонизма в XXI в. способствовало тому, что он, а также американское стремление доминировать в планетарных масштабах стало рассматриваться в более широком контексте – в контексте американской гегемонистской культуры как таковой. По своей природе американская культура была изначально гегемонистской, исходившей из посылки о том, что внешний мир не имеет никакой другой альтернативы, кроме как принятие американских идей, ценностей и образа жизни. Американизация мира является формой культурного империализма. Соединенные Штаты всегда считали себя «богоизбранным народом», а каналы и механизмы своего воздействия на внешний мир – прежде всего как преимущественное распространение американской системы ценностей, которая является «даже более важным фактором американского влияния в мире, чем навязываемые всему миру политические и экономические правила»¹⁴.

Важно при этом отметить, что «богоизбранность» американской нации отнюдь не означает, что американская система ценностей, в том числе и религиозных, недоступна для всего остального мира – совсем даже наоборот. В современных условиях ««избранность» означает быть избранным для благодати Божьей, призванная нести милосердие и справедливость всему остальному миру»¹⁵. При таком понимании «богоизбранность» американской нации следует понимать как форму «вдохновения», нежели как форму «исключительности». Следовательно, проблема распространения американского влияния в мире стала трактоваться через призму состава американской нации, которая в XXI в. становилась все более расово-этнически диверсифицированной и неоднородной.

Среди ряда причин, способствовавших упадку гегемонизма США с наступлением XXI в., американские политологи – ведущие специалисты по теории и практике международных отношений – особое

¹³ *Gwiazda A.* Controversies over the US Hegemony in the Multipolar World // *Politics in Central Europe*. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 14 (<https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-132620>).

¹⁴ *Kasiyarno K.* The «American» Hegemonic Culture: Its Roots, Features and Implication to World Culture // *Rubicon: Journal of Transnational American Studies*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 27 (<https://jurnal.ugm.ac.id/rubikon/article/view/34157>).

¹⁵ *Jodock D.* The United States, a Chosen Nation? // *Word & World*. 2023. Vol. 43. No. 2. Spring. P. 108 (https://wordandworld.luthersem.edu/wp-content/uploads/pdfs/36-4_Spring_2023_Word_and_World/The%20United%20States,%20a%20Chosen%20Nation.pdf).

внимание уделили фактору нарастающего раскола и размежевания в американской политической элите, особенно в той ее части, которая играет определяющую роль в разработке и реализации внешнеполитического курса США. И главный водораздел раскола в американской политической элите произошел в отношении приоритета внутренних и внешних проблем. В годы холодной войны в условиях противостояния с СССР большая часть ресурсов США была сконцентрирована «на внешнем контуре» в ущерб решению все более обостряющихся внутренних социально-экономических проблем – растущего социально-экономического неравенства, деградирующей инфраструктуры, упадка крупных городов, загрязнения окружающей среды и многих других. Именно поэтому часть политической элиты США, ориентированная на первоочередное решение внутренних проблем американского общества, пришла к выводу, что завершение длительного периода холодной войны открывает хорошие долгожданные возможности для того, чтобы заняться решением внутренних проблем на долгосрочной основе.

Этой части американской элиты противостояли набравшие мощный политический вес политические силы, которые также увидели для себя уникальную возможность построить глобальный неолиберальный миропорядок, который окончательно закрепил бы за США роль единственного на планете гегемона. Как указал в этой связи проф. Гарвардского университета С. Уолт, после завершения холодной войны политическое руководство США «твердо встало на путь создания либерального мирового порядка, опиравшегося на более активное использование американских ресурсов. Вместо укрепления и развития внутренней экономики, максимизации благосостояния, повышения жизненного уровня собственных граждан и продвижения американских идеалов и ценностей путем демонстрации силы примера, Вашингтон активно занялся переделкой других стран по американским лекалам и инкорпорированием их в американизированные институты и структуры»¹⁶.

Итоговым результатом диаметрально противоположного понимания базовых векторов дальнейшего развития Америки и явился всё углубляющийся раскол в американской политической элите, который принял форму открытого противостояния с приходом к власти в 2017 г. президента-республиканца Д. Трампа. Этот раскол постоянно усугублялся и усугубляется тем, что в условиях ограниченности всех видов ресурсов ни сфера внутренней политики, ни сфера внешней политики не стали получать достаточного количества средств

¹⁶ *Walt S. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. New York, 2018. P. 23.*

для удовлетворительного решения стоящих перед ними задач и проблем на долгосрочной основе. Усугубляющаяся ситуация «неоптимального» решения внутренних и внешних проблем наглядно проявила себя, в частности, в том, что в период 2000–2023 гг. среднегодовые темпы роста реального ВВП США составили 2,1% по сравнению с 3,6% в период 1950–1999 гг., т.е. были в 1,7 раза ниже. Соответственно в XXI в. темпы роста благосостояния населения США были ниже, чем во времена холодной войны: в 2000–2023 гг. среднегодовые темпы роста реального ВВП на душу населения составили всего 1,3% по сравнению с темпами роста этого показателя в 1950–1999 гг., когда они равнялись 2,4%¹⁷.

Применительно к внешнеполитической сфере XXI в. явился свидетелем прогрессирующего упадка американского гегемонизма. Как указал С. Уолт, после свержения неугодных США диктаторов «вместо создания процветающих демократий Америка получила несостоявшиеся государства и дорогостоящие военные оккупации. США был преподан прекрасный наглядный урок. Создание работоспособной демократии – очень трудная задача, особенно в бедном, глубоко разделенном обществе без демократических традиций. Вера в то, что США смогут сделать это в таких странах, как Ирак или Ливия, Афганистан, Сомали или Йемен, была полнейшим бредом»¹⁸.

Можно при этом указать на то, что стратегия построения мирового либерального порядка обошлась США в период с 2001 по 2023 г. в примерно 11 трлн долл., которые сложились из 8 трлн долл., потраченных в 2001–2021 гг., и около 3 трлн долл., израсходованных в последующие два года (с учетом будущих выплат до 2050 г. в виде процентов по государственному долгу и на медицинскую помощь ветеранам войн)¹⁹, которые, по сути, были потрачены впустую. Помимо этого, в военных конфликтах в рамках борьбы с глобальным терроризмом было убито приблизительно 1 млн человек, а еще около 4 млн человек погибло в виде «сопутствующих потерь». За это время США участвовали и продолжают участвовать в военных конфликтах различной степени интенсивности в 78 странах. За два с лишним десятилетия 38 млн человек были

¹⁷ Crestmont Research. GDP-Real Growth by Decade (<https://www.crestmontresearch.com/docs/Economy-GDP-R-By-Decade.pdf>).

¹⁸ Harvard Kennedy School. America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy with Stephen Walt. April 24, 2019. Transcript (<https://www.hks.harvard.edu/wiener-conference-calls/stephen-walt#transcript-1180789>).

¹⁹ Crawford N. The U.S. Budgetary Costs of the Post-9/11 Wars. September 1, 2021. P. 7 // Watson Institute. Brown University (<https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2021/BudgetaryCosts>); *Idem*. Blood and Treasure: United States Budgetary Costs and Human Costs of 20 Years of War in Iraq and Syria, 2003–2023. March 15, 2023. P. 5 (<https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2023/IraqWarCosts>).

вынуждены покинуть свои страны и места проживания, усугубив миграционный кризис как в самих США, так и в европейских странах²⁰.

Колоссальные экономические и человеческие издержки формирования либерального мирового порядка в XXI в., первые из которых вполне можно было направить на решение внутренних социально-экономических проблем США, не просто раскололи, а поляризовали американскую политическую элиту, и при этом поляризация была, возможно, доведена до необратимого состояния процессом прогрессирующего изменения качественного состава правящих кругов современной Америки.

«Замена политической элиты»

Устоявшееся представление об американских политических элитах неизменно отождествляло их с белыми американцами, англосаксами и протестантами. В своем подавляющем большинстве, особенно на протяжении первых 200 лет американской истории, президенты США отвечали именно этим характеристикам, при этом доминирующими конфессиями протестантизма среди хозяев Белого дома были прихожане Епископальной церкви (11 президентов), пресвитерианцы (9 президентов), баптисты (4 президента), методисты (3 президента). Два американских президента – Дж.Ф. Кеннеди и Дж. Байден – являются президентами-католиками, а еще три американских президента – Т. Джефферсон, А. Линкольн и Э. Джонсон – формально не принадлежали ни к одной религиозной конфессии²¹.

Соответственно, симметрично формировались и остальные сегменты американской политической элиты, представленной в выборных органах, особенно на федеральном уровне. Согласно официальным американским историческим анналам, впервые в Конгресс США – как в палату представителей, так и в сенат – темнокожие американцы были избраны после окончания Гражданской войны (1861–1865) в Конгресс 41-го созыва (1861–1871), в котором делегация афроамериканцев насчитывала всего три человека. Впоследствии она возросла до 8 человек в Конгрессе США 44-го созыва (1875–1877), однако в Конгрессе 46-го созыва (1879–1881) вновь уменьшилась

²⁰ Watson Institute. Brown University. Costs of War (<https://watson.brown.edu/costsof-war/>).

²¹ POTUS. Presidents of the United States. Religious Affiliation (<https://potus.com/presidential-facts/religious-affiliation/>).

до 1 человека, и эта ситуация сохранялась вплоть до окончания Второй мировой войны (! – *В.В.*)²².

На начало 1960-х гг. делегация афроамериканцев в Конгрессе США была представлена 4 человеками, однако, начиная с Конгресса 88-го созыва (1963–1964), их число стало неуклонно расти, и уже в Конгрессе 91-го созыва (1969–1970) число афроамериканцев достигло 11 человек, в Конгрессе 98-го созыва (1983–1984) – 22 человека. В Конгрессе 103-го созыва (1993–1994) делегация афроамериканцев достигла численности в 41 человек²³.

Судьба была более благосклонна для представительства латиноамериканцев в высшем законодательном органе США, и первый испаноязычный американец появился на Капитолийском холме уже в Конгрессе США 17-го созыва (1821–1823). Правда, на протяжении последующих 100 лет (! – *В.В.*) состав испаноязычной делегации в палате представителей не превышал 1–2 человек. Первым сенатором-латиноамериканцем стал представитель штата Нью-Мексико в Конгрессе 70-го созыва (1927–1929). В 1930-е гг. состав латиноамериканской делегации в Конгрессе увеличился до 3–4 человек, и они представляли штаты Нью-Мексико и Луизиану. Этот уровень представительства сохранился вплоть до начала 1960-х гг., когда оно увеличилось до 4–5 человек, в 1970-е гг. – до 6–8 человек, в 1980-е гг. до 15 человек²⁴. За этот период произошло расширение географического представительства латиноамериканцев, которые все в большем количестве стали представлять Калифорнию, Техас и Нью-Йорк. В 1990-е гг. численность латиноамериканской делегации стала устойчиво превышать 20 человек, а к концу первого десятилетия XXI в. – 30 человек²⁵.

Американцы азиатского происхождения и жители тихоокеанских островов появились на Капитолийском холме в начале XX в. в качестве членов делегаций от тихоокеанских территорий, однако первый полноправный представитель азиатоамериканцев был избран в палату представителей в 1956 г. (Конгресс США 85-го созыва) от штата Калифорния. Первым сенатором-азиатоамериканцем китайского происхождения стал представитель образованного в 1959 г. штата Гавайи. С тех пор сенаторами американоазиатского происхождения стали 11 человек, а членами палаты представителей – 43 человека. Делегация американцев азиатского происхождения и жителей тихо-

²² Congressional Research Service. African American Members of the U.S. Congress: 1870–2020. December 15, 2020. RL 30378. P. 6–7 (<https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=RL30378>).

²³ Ibid. P. 8.

²⁴ Hispanic Americans in Congress, 1822–2012. Washington (D.C.), 2013. P. 710–716.

²⁵ Ibid. P. 717–722.

океанских островов заметно усилила свое представительство по итогам выборов в Конгресс США 111-го созыва (2009–2011), когда она достигла 13 человек²⁶. В Конгрессе 118-го созыва (2023–2025) делегация американцев азиатского происхождения насчитывает 21 человека, из которых 2 являются сенаторами и 19 – членами палаты представителей²⁷.

В целом в XXI в. в составе политической элиты США произошли фундаментальные изменения, связанные с заметным усилением роли и представительства расово-этнических меньшинств. В составе Конгресса США 107-го созыва (2001–2003) насчитывалось 67 конгрессменов и сенаторов, являющихся представителями расово-этнических меньшинств, включая коренные народы, что составляло 12,5% общей численности членов Конгресса США²⁸. Спустя 10 лет – в Конгрессе 111-го созыва (2009–2011) – численность расово-этнических меньшинств возросла до 79 человек, и их доля в общем составе членов высшего законодательного органа США достигла почти 15%²⁹. И наконец, в Конгрессе 118-го созыва делегация расово-этнических меньшинств достигла рекордного за всю политическую историю США представительства, составив 139 человек, или 26% общего состава Конгресса США³⁰. Необходимо также отметить, что большинство членов делегаций латиноамериканцев и афроамериканцев в Конгрессе США является демократами.

Растущая неоднородность политической элиты США проявляет себя и в поляризации всего спектра политических воззрений, при которой все большую роль начинают играть крайне «правые» и крайне «левые» экстремистские фланги. Согласно социологическим замерам исследовательской организации «Пью Рисёрч Сентер», в начале третьего десятилетия текущего столетия 10% американцев могли считаться приверженцами крайне «правых» взглядов и еще 7% – последовательными сторонникам традиционных консервативных ценностей. К категории умеренных консерваторов могли быть отнесены 23% американцев. Им противостоял либеральный политический спектр, в рамках которого 6% являлись выразителями леворадикальных

²⁶ Asian and Pacific Islander Americans in Congress, 1900–2017. Washington (D.C.), 2017. P. 577.

²⁷ Congressional Research Service. Membership of the 118th Congress: A Profile. Updated July 24, 2024. R47470. P. 8 (<https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47470>).

²⁸ Рассчитано по: CRS Report for Congress. Membership of the 107th Congress: A Profile. December 6, 2002. P. CRS-5 (<https://www.everycrsreport.com/reports/RS20760.pdf>).

²⁹ Рассчитано по: Congressional Research Service. Membership of the 111th Congress: A Profile. November 19, 2010. R40086. P. 5–6 (<https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc822496/>).

³⁰ Рассчитано по: Congressional Research Service. Membership of the 118th Congress: A Profile...

идей, 13% – придерживались ценностей классического либерализма, а остальные 26% могли быть отнесены к представителям умеренного либерализма³¹.

По авторитетному заключению одного из ведущих американских политологов П. Денина, именно такая конфигурация спектра политических воззрений и идейных стереотипов американского общества прочно заложила в американском обществе интеллектуальные основы «новой политологии», адепты которой не стремятся, подобно политическим теоретикам прошлых исторических эпох, создать «гибкий политический режим», учитывающий всю совокупность политических воззрений, а наоборот, – сформировать принципиально новую политическую систему, в которой господствующие идейные позиции будут занимать крайние экстремистские силы. Современные США, по мнению П. Денина, вплотную подошли к Рубикону «смены» своего политического режима – «мирного, но последовательного свержения коррумпированного и все разлагающегося либерального правящего класса и создания постлиберального порядка, в котором существующие политические формы будут существовать до тех пор, пока фундаментально отличные культурные ценности не преобразуют эти институты, и другая политическая элита не займет ключевые должности и позиции в системе государственного управления»³².

И в основе этой ценностной трансформации американской политической системы лежит постепенная «замена» преимущественно белой на многорасовую политическую элиту. Как подчеркнули в этой связи американские исследователи во главе с К. Янгом, исторически сложилось так, что на протяжении последних нескольких десятилетий «центр глобальных элитных сетей был более или менее стабильно ориентирован на один регион мира: на Северную Атлантику. Это означало, что привилегированные социальные группы Северной Атлантики, т.е. белые образованные мужчины, свободно говорящие по-английски, имели неоспоримые преимущества во властных институтах»³³. Но в настоящее время именно тектонические демографические сдвиги, происходящие в США, равно как и мощные социальные движения «по изменению норм и политики в отношении инклюзивности и расово-этнического многообразия, особенно заметны в Северной Атлантике, и их влияние оказало глубокое воздействие на современ-

³¹ Pew Research Center. Political Typology. Beyond Red vs. Blue: The Political Typology. November 9, 2021 (<https://www.pewresearch.org/topic/politics-policy/political-parties-polarization/political-typology/>).

³² Deneen P. Regime Change: Toward a Postliberal Future. New York, 2023. P. XIV.

³³ Young K., Goldman S., O'Connor B., Chuluun T. How White is the Global Elite? An Analysis of Race, Gender and Network Structure // Global Networks: A Journal of Transnational Affairs. 2021. Vol. 21. Iss. 2. April. P. 368.

ную американскую политику как с точки зрения прогресса в направлении расового и гендерного разнообразия, так и с точки зрения популистских (контр)реакций на это разнообразие и его предполагаемые последствия»³⁴.

Меняющаяся национальная идентичность США

С самых первых этапов существования США содержание понятия «национальная идентичность» находилось в фокусе внимания отцов-основателей нации и творцов ее Конституции. «Национальная идентичность» традиционно понималась как «американское кредо», как сумма идеалов, конституирующих саму суть Америки и «подлинно американского» и подчеркивающих ее исключительность. В этом плане современную Америку создали и на протяжении последующих столетий ее развитие определяли белые европейцы. В 2022 г. частная исследовательская организация «Институт исследований общественной религии» определила круг из пяти понятий, которые в совокупности давали представление о том, что означает быть «подлинным американцем». Истинный гражданин США должен был: а) верить в Бога; б) свободно говорить по-английски; в) быть христианином; г) быть рожденным в Америке; и д) иметь европейское происхождение³⁵.

На основе данного круга понятий Институт начиная с 2015 г. и вплоть до 2022 г. проводил ежегодные социологические замеры. Согласно результатам этих замеров, в 2015 г. 69% опрошенных считали веру в Бога важнейшим атрибутом «истинного американца», однако к 2022 г. их доля уменьшилась до 48%. Свободное владение английским языком в 2015 г. оценивалось как важнейший конституирующий признак «истинного американца» 89% респондентов, однако спустя 7 лет их доля уменьшилась до 78%. Принадлежность к одной из христианских конфессий в 2015 г. воспринималась важной составной частью «американского» 60% респондентов, однако к 2022 г. их доля резко сократилась до 36%. Факт рождения в «стране обетованной» был важным признаком «истинного американца» для 58% опрошенных в 2015 г., однако в 2022 г. такой точки зрения придерживалось всего 44% респондентов, т.е. меньше половины опрошенных. Что касается европейского происхождения, то можно сказать, что в настоящее время этот параметр не играет практически никакой роли: в 2018 г.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Stewart E., et al. What Does American Identity Mean? A Cultural Legacy of Pluralism and Exclusion. July 15, 2022 (<https://www.prii.org/spotlight/what-does-american-identity-mean-a-cultural-legacy-of-pluralism-and-exclusion/>).

только 17% опрошенных считали его важной составной частью «американского кредо», а в 2022г. – еще меньше, всего 16%³⁶.

И важнейшим фактором этих перемен следует считать демографические сдвиги и иммиграцию. Согласно результатам оценки международной исследовательской организации «Ипсос» итогов переписи населения США 2020 г., Америка «становится все более разнообразной, но одновременно и более раздробленной. Базовые символы американской идентичности понимаются и ощущаются очень по-разному, особенно представителями разных рас и этносов»³⁷. При этом чрезвычайно показательно отношение различных расово-этнических групп к проблемам иммиграции. Иммиграция «занимает центральное место в американском восприятии духа времени (zeitgeist), но то, как она воспринимается, претерпело значительные изменения в 2021 г. по сравнению с 2018 г.»³⁸. Белые американцы все в меньшей степени склонны считать иммиграцию важной частью американской идентичности (24% опрошенных в 2021 г.), в то время как азиатоамериканцы (44%), латиноамериканцы (43%) и афроамериканцы (34%) причисляли ее к важнейшим конституирующим признаком американской идентичности. Причина этого парадокса становится понятной, если исходить из посылки о том, что «цветная» Америка, в частности «в настоящее время афроамериканцы и латиноамериканцы по сравнению с белыми американцами более склонны к восприятию концепции американской национальной идентичности, уравнивающей важность ассимиляции с культурным разнообразием»³⁹.

Следует также указать на такой важнейший аспект растущего расово-этнического измерения национальной идентичности США, как постепенное ослабление действия импульса к выполнению Америкой особой цивилизационной роли в мировой истории, дарованной ей сверху божественными силами. В период с 2013 по 2022 г., согласно социологическим замерам Института исследований общественной религии, в целом по США доля американцев, придерживающихся подобной точки зрения, уменьшилась с 60 до 43%; при этом наиболее последовательными поборниками идеи божественного предначертания Америки являлись белые евангелические протестанты, хотя среди

³⁶ *Stewart E., et al.* What Does American Identity Mean? A Cultural Legacy of Pluralism and Exclusion. July 15, 2022 (<https://www.prii.org/spotlight/what-does-american-identity-mean-a-cultural-legacy-of-pluralism-and-exclusion/>).

³⁷ *Garcia-Garcia M., Feldman S.* The Evolution of the American Identity. Implication for Brand Strategy. November 26, 2021. P. 2 (<https://www.ipsos.com/en-us/knowledge/society/The-Evolution-of-the-American-Identity>).

³⁸ *Ibid.* P. 3.

³⁹ *Byrd D.* Nationalism and National Identity in North America // *Nationalities Papers*. 2023. Vol. 51. Iss. 6. November. P. 1207.

них доля лиц с подобными представлениями сократилась за 10 лет с 87 до 68%, а наименее последовательными – религиозно неаффилированные американцы (агностики, атеисты), доля которых сократилась почти в два раза – с 33 до 16%⁴⁰.

**Государственный департамент США:
от традиционной дипломатии
в черно-белых тонах к цветочному натюрморту**

Внешнеполитическая стратегия США, их стремление утвердить свою ведущую роль на мировой арене не в последнюю очередь базировались на формулировании и продвижении общей системы ценностей с теми странами, которые они считали своими ближайшими союзниками и партнерами. Этот подход особенно ярко проявил себя в период после окончания Второй мировой войны, когда США приступили к формированию военно-политических блоков, ведущую роль среди которых стал играть созданный весной 1949 г. Североатлантический альянс (НАТО), идеологической основой которого явилась североатлантическая система общих цивилизационных ценностей между США и Канадой, с одной стороны, и ведущими странами Западной Европы (Великобритания, Франция, Италия), а с другой стороны, восходящая своими истоками к периоду Великой Американской революции (1765–1783) и Великой Французской революции (1789–1799).

Однако по мере того, как в орбиту американских интересов и глобального противоборства с СССР и его союзниками стали вовлекаться другие страны, главным образом страны Азии, Африки и Латинской Америки, во внешнеполитических кругах Вашингтона стало расти понимание того, что США не имеют со странами этих регионов общей системы ценностей, которая позволила бы Вашингтону говорить о совпадающей национальной идентичности США с большинством государств этих регионов. Американские теоретики внешнеполитических отношений еще в середине 1980-х гг. определили главное препятствие, почти непреодолимый барьер, во взаимоотношениях США с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки – англосаксонский этноцентризм. Ведущий американский специалист по отношениям США со странами Азии, Африки и Латинской Америки того периода проф. Г. Виарда свел всю совокупность проблем взаимоотношений США

⁴⁰ Payne L. «Sound of Freedom» and the Media Fueling Belief in America's «Special Role» in Human History. September 27, 2023 (<https://www.prii.org/spotlight/sound-of-freedom-and-the-media-fueling-belief-in-americas-special-role-in-human-history/>).

со странами «третьего мира» к проблеме врожденного этноцентризма американской внешней политики:

«В основе дилеммы американской внешней политики во взаимоотношениях с этими странами лежит глубоко укоренившийся этноцентризм, т.е. неспособность понять страны “третьего мира” из самих себя, из упорного стремления рассматривать их проблемы через призму западного опыта, из снисходительного и покровительственного отношения к этим странам, обусловленного этим этноцентризмом»⁴¹.

Этноцентризм, продолжил свои рассуждения проф. Г. Виарда, т.е. вера в то, что «опыт развития стран Западной Европы и Северной Америки может быть повторен и даже имитирован в странах “третьего мира”». Используемая США модель экономического развития, социальных изменений и политической модернизации этих стран основана исключительно на американско-европейском опыте. Вот почему США оказываются неспособными понять страны этих регионов, чей этнос, институты и история (исламская, родоплеменная, буддийская, конфуцианская или различного рода патримониалистская) фундаментально отличаются от американских»⁴².

Однако за академической фразеологией монографии Г. Виарды совершенно отчетливо проглядывала квинэссенция британского опыта создания империй, сформулированная в «Книге джунглей» английским писателем и публицистом Р. Киплингем: «*Мы с тобой одной крови – ты и я!*» Тектонические сдвиги в расово-этническом составе американского общества в XXI в. и дали возможность правящим кругам США, ориентированным главным образом на Демократическую партию США, обратиться к небелой части мирового сообщества с соответствующим посланием.

С приходом к власти в январе 2021 г. администрации Дж. Байдена «цветнизация» кадрового состава федерального правительства США, в том числе «элитно-кастового» Государственного департамента, стала важнейшим приоритетом деятельности демократов. В июне 2021 г. президент Дж. Байден подписал Указ о расово-этническом разнообразии, равенстве, инклюзивности и доступности занятости в федеральном правительстве. В нем особо подчеркивалось, что «федеральное правительство должно иметь рабочую силу, отражающую расово-этнический состав американского народа. Растущее количество данных показывает, что разнообразные, справедливые, инклюзивные

⁴¹ Wiarda H. Ethnocentrism in Foreign Policy. Can We Understand the Third World? Washington (D.C.), 1985. P. 1.

⁴² Ibid. P. 4.

и доступные рабочие места приводят к более эффективным организациям»⁴³.

На основе Указа Белого дома в августе 2021 г. в Государственном департаменте США было создано Управление расово-этнического разнообразия и инклюзивности, которое подготовило и в сентябре 2022 г. опубликовало «Стратегический пятилетний план по внедрению расово-этнического разнообразия, равенства, инклюзивности и доступности занятости во внешнеполитическом ведомстве США на период 2022–2026 гг.». Общий замысел кадровой политики Государственного департаamenta свелся к тому, чтобы расово-этнический состав его работников и служащих, в том числе и на самых высших уровнях дипломатической иерархии, отражал и соответствовал расово-этническому составу американского общества, в основе которого лежали исходные и обновленные данные переписи 2020 г.⁴⁴

По состоянию на начало 2024 г. кадровый состав Государственного департаamenta США по расово-этническим признакам распределялся следующим образом: белые – 68%, испаноязычные – 11%, афроамериканцы – 9%, азиатоамериканцы – 8%, коренные народности (индейцы) – 1%, жители Тихоокеанских островов – 1% и представители смешанных рас – 2%⁴⁵. Следует отметить, что в целом процесс «цветнизации» кадрового состава Государственного департаamenta идет достаточно медленными темпами, периодически сталкиваясь с мощным сопротивлением в период нахождения у власти Республиканских администраций, как это имело место, в частности, в годы президентства Д. Трампа (2017–2021). Например, в 2015 г. в расчете на 13,5 тыс. сотрудников внешнеполитического ведомства США афроамериканцы составляли 7%, испаноязычные – 7%, азиатоамериканцы – 6% и представители прочих рас – 4%. В 2020 г. эти пропорции применительно к 13,7 тыс. дипломатов и членов вспомогательных служб выглядели следующим образом: афроамериканцы – 8%, испаноязычные – 8%, азиатоамериканцы – 7% и представители

⁴³ The White House. Executive Order on Diversity, Equity, Inclusion, and Accessibility in the Federal Workforce. June 25, 2021 (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/06/25/executive-order-on-diversity-equity-inclusion-and-accessibility-in-the-federal-workforce/>).

⁴⁴ U.S. Department of State. Secretary's Office of Diversity and Inclusion. Diversity, Equity, Inclusion and Accessibility (DEIA) Strategic Plan, 2022–2026. P. 9 (<https://www.state.gov/reports-office-of-diversity-and-inclusion/>).

⁴⁵ U.S. Department of State. Secretary's Office of Diversity and Inclusion. DEIA Demographic Baseline Report by Department of State – DEIA Data (<https://public.tableau.com/app/profile/department.of.state.deia.data/viz/DEIADemographicBaselineReport/Homepage>).

прочих рас – 7%⁴⁶. В более широкой исторической перспективе, однако, можно уверенно говорить о значительном отходе от традиционного для Государственного департамента США этноцентризма; в частности, если обратиться к коллективной фотографии его сотрудников, сделанной в ноябре 1936 г., то все его примерно 700 служащих, за исключением небольших «вкраплений» секретарского женского персонала, являлись белыми мужчинами, среди которых на первом плане сиротливо красовалась одна (! – *В.В.*) белая женщина – ранжированный дипломат.

Официально декларируемый Вашингтоном внешнеполитический курс США, основанный на поиске точек соприкосновения расово-этнической идентичности современных Соединенных Штатов Америки и большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки, является попыткой сформировать модель глобального доминирования США в XXI в. В настоящее время США находятся еще достаточно далеко от выработки двухпартийного консенсуса в отношении баланса положительных и негативных сторон данного направления сохранения и упрочения американского гегемонизма в современных международных отношениях. Вполне возможно, что в перспективе США будут использовать фактор расово-этнического разнообразия в своей внешней политике в сочетании с традиционными инструментами военного и экономического давления на другие страны, особенно на те, которые Вашингтон причисляет к своим геополитическим и геоэкономическим противникам, поскольку модель внешнеполитической стратегии относится к инструментам «мягкой» силы. В этой связи можно также указать на то, что в прошлые исторические периоды США уже экспериментировали с подобного рода подходом к построению своих отношений с другими странами, в частности, со странами Латинской Америки в 1960-е гг. при администрациях Дж.Ф. Кеннеди–Л. Джонсона⁴⁷.

Вместе с тем уже в настоящее время можно сделать вполне определенный вывод о том, что стратегия внешнеполитического доминирования, основанная на модели расово-этнического разнообразия, является весьма амбивалентной, поскольку она объективно повышает степень уязвимости американского общества к внешнеполитическим кризисам и тенденциям развития значительного числа стран мирового сообщества. Эта уязвимость была достаточно убедительно продемонстрирована во время внешнеполитического кризиса конца

⁴⁶ *Kopp H.* Diversity and Inclusion in the U.S. Foreign Service: A Primer // *The Foreign Service Journal*. 2021. July–August. P. 25 (https://afsa.org/sites/default/files/flipping_book/070821/25/index.html#zoom=z).

⁴⁷ *Mackin S.* Evaluating the Role of Race in Foreign Policymaking: U.S. Public Diplomacy in Latin America during Kennedy's Alliance for Progress. Lewiston (Maine), May 2, 2022. Honors Theses. 409 (<https://scarab.bates.edu/honorsthesis/409>).

2023 г. и 2024 г. на Ближнем и Среднем Востоке. Зарубежные теоретики международных отношений, признавая тот факт, что «раса и расизм играли важную историческую роль в международной политике и в формировании современной системы международных отношений», и подчеркивая при этом, что эти же проблемы «лежат также в центре наиболее актуальных глобальных проблем XXI в.»⁴⁸, указывают на то, что одновременно возникает опасность порождения новых острейших внешнеполитических кризисов и военных конфликтов вплоть до опасности возникновения новой мировой войны, основанной на предрассудках о существовании «высших и низших рас» и возможности создания миропорядка, базирующегося на легитимизации господства одной расы над другими нациями и странами с иными расово-этническими особенностями и признаками.

⁴⁸ *Rosenberg A.* Race and Systemic Crises in International Politics: An Agenda for Pluralistic Scholarship // *Review of International Studies*. 2024. Vol. 50. Special Iss. 3. Global Politics: The Next Fifty Years. P. 459 (https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/D40681669852CCB61BD1C6E9DDB16ACD/S0260210523000761a.pdf/race_and_systemic_crises_in_international_politics_an_agenda_for_pluralistic_scholarship.pdf).